

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ АРМИИ

БАРОН ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ ВРАНГЕЛЬ КАК ПРЕДСТАВИТЕЛЬ РОССИЙСКОЙ ВОЕННОЙ ЭЛИТЫ НАЧАЛА XX В.

Г.С. Чувардин

Кафедра истории России
Орловский государственный университет
ул. Комсомольская, 95, Орел, Россия, 302026

В статье анализируется феномен российской военной элиты начала XX в. в рамках одного из наиболее существенных ее сегментов – офицеров – представителей «остзейского дворянства». Автор исследует данное историко-культурное явление на примере одного из типичных прибалтийский баронов генерал-майора П.Н. Врангеля. Делается вывод о том, что жизненный и боевой путь генерала, его мировоззрение укладываются в общие культурные стереотипы, характерные для большей части анализируемой группы.

Ключевые слова: военная элита, генералитет, Конная гвардия, Первая мировая война, военная эмиграция, РОВС, П.Н. Врангель

На современном этапе развития отечественной исторической науки одной из наиболее приоритетных тем исследования является изучение военной элиты и процесса элитообразования России императорского периода.

Историография рассматриваемой проблематики крайне скудна в силу того, что отечественная эпитология и имажинология находятся в стадии становления. Отдельные исследования военной элиты стали появляться только в последние годы. В данном случае можно выделить работы Е.Ю. Сергеева, С.В. Маслова, И.А. Бородкина, А.А. Михайлова (1). Но и они освещают лишь отдельные частные аспекты означенной проблематики, а отдельные выводы выглядят, по меньшей мере, спорно. Определенное внимание анализу военной элиты уделяют представители смежных исторических дисциплин – социологии и политологии, но большая часть исследований, проводи-

мых в этой области, относится к современным процессам элитообразования. В качестве примера можно привести работы отечественного элитолога Ольги Крыштановской.

Следует отметить, что на фоне возрождения интереса к отечественной школе военной психологии, а также проникновения в Россию отдельных идей социометрии и психодрамы (в том числе изучения властных инсценировок) обозначился устойчивый интерес к анализу психологии и ментальных особенностей отдельных социальных групп в рамках их наиболее типичных агентов. Таким образом, обозначилось еще одно возможное направление исследования элиты, в том числе и военной.

В свою очередь, наша точка зрения на возможности изучения военной элиты пореформенного периода выглядит следующим образом.

Базовые индексы элитарности рассматриваемого периода могут быть связаны только с одним параметром – степенью близости того или иного представителя различных социальных групп к Престолу, что кажется очевидным в условиях абсолютной монархии. Причем именно группа приближенных к престолу лиц формирует последующие круги элиты и полуэлиты. Возражения по поводу происхождения и социального статуса – «элитарности по праву рождения» – уместны, но данные параметры все-таки не играют решающей роли. Примером может служить превосходство представителей менее знатной по происхождению немецкой группы во власти перед «коренной» российской аристократией. Еще один индекс элитообразования может быть обозначен как «заслуги» на военном или гражданском поприще. Но и здесь решающим фактором по-прежнему оставались личные симпатии или антипатии монарха.

Очевидным «клубом политической и военной элиты» в России являлась Свита Его Императорского Величества, формируемая на основе «Высочайшего Благоволения». Источниками элиты, формирующими периферийные ее сегменты, а также группы полуэлиты, безусловно, являлись генералитет и Российская императорская гвардия. Следует отметить, что гвардейцы имели преимущество перед генералами, так как чин флигель-адъютанта чаще всего получали в гвардии.

В России был значительный процент генералов, в том числе и генерал-лейтенантов, не имеющих никакого отношения в Свите. Для сравнения приведем следующую статистику: свита Николая I составляла 540 чел. При этом через звание флигель-адъютанта прошло около 250 чел., из которых около 80% составляли выходцы из гвардии. Численность генералитета к концу правления Николая I составляла 937 чел. (2).

Истоки происхождения военной элиты начала XX в. следует искать в эпохе Николая I, так как именно с этого времени выстраивается жесткий вектор передачи власти по линии «отец – старший сын», обусловленный законотворчеством Павла I. При Николае I окончательно оформляется имперская идеология и принципы верности Престолу и Отечеству. Этот император

формирует вокруг себя принципиально новое политическое окружение, приближает новых людей, а его сыновья и внуки в дань памяти отцу и деду продолжают держать этих людей, а также их детей и внуков подле себя. При этом степень близости определяется возможностью поступления в элитообразующие учебные заведения (различные престижные военные и светские учебные заведения), прежде всего Пажеский корпус и императорскую гвардию. Последняя вплоть до начала Первой мировой войны оставалась мощным трамплином для успешной карьеры (правда, в рамках отдельных частей и подразделений). Затем степень близости определяется назначением адъютантом к одному из великих князей или лиц, приближенных к престолу, и, наконец, назначением в Свиту – получением флигель-адъютантского звания. В последующем карьере такого человека была обеспечена.

В предлагаемой статье рассматривается один из очевидных представителей военной элиты Российской империи начала XX в. барон Петр Николаевич Врангель. Его жизненный путь является подтверждением вышеизложенных соображений. В то же время следует отметить, что Петр Николаевич являлся типичным представителем значительной референтной группы так называемых «остзейских баронов» (3), оказавших существенное влияние на развитие и становление военного дела в Российской империи начиная с эпохи Петра I.

Генерал барон Петр Николаевич Врангель принадлежал к старинному дворянскому дому Тольсбург-Эллистфер (Stammhaus Tolsburg-Ellistfer) (4) (в варианте С.В. Любимова, Ифтер и Толькс (5)) рода Врангелей, ведущему свое родословие с начала XIII в. В «Большой русской биографической энциклопедии» указывается, что «Врангели – графы, бароны и дворяне датского происхождения. Сведения об этом древнем роде доходят до начала XII столетия. Родоначальник рода Врангелей принадлежал к числу вассалов короля Вальдемара II, оставленных им в Эстляндии после ее завоевания.

В замке “Revele” (впоследствии город Ревель) был поставлен в 1219 г. датский гарнизон, во главе которого находилось известное число “мужей короля” (viri regis) и между ними значится Dominus Tuki Wrang, потомки которого назывались сначала de Wranghele, Wrangele, а затем В. Во время шведского владычества в Эстляндии в XVII столетии род В. достиг блеска и богатства в лице фельдмаршала Карла Густава» (6). Известно, что в XVI в. род Врангелей распался на 20 самостоятельных ветвей. На разных отрезках истории Нового времени, находясь под знаменами Дании, Швеции, Германии, Австрии, Голландии, Испании и России, род дал 7 фельдмаршалов, более 30 генералов и 7 адмиралов.

С 1764 г. род записан в Эстляндский матрикул и пятую часть дворянских родословных книг Витебской и Санкт-Петербургской губерний.

На русской службе Врангели, распавшиеся со временем на 40 линий рода, получили достаточное признание и почет своей безупречной и самоотверженной службой. Следует отметить, что только во время Полтавской

битвы было убито 22 представителя рода с обеих сторон (7). Примечателен и тот факт, что на разных отрезках отечественной истории XVIII – начала XX в. мы можем встретить Врангелей отдельных ветвей: в должностях министра – 1, члена государственного совета – 1, сенаторов – 2, губернаторов – 2, попечителя учебного округа – 1, профессора – 1. Таким образом, род Врангелей составлял существенный сегмент военной, политической и культурной элиты Российского государства.

В свою очередь, основоположник ветви дома Тольсбург-Эллистфер Ганс Фридрих Врангель аф Люденхофф родился в Ревеле 7 марта 1754 г. Его супругой была Елизавета Доротея Фрейин фон Унгерн-Штернберг (8).

Петр Николаевич родился в Ковенской губернии в городе Ново-Александровске в семье предпринимателя, известного коллекционера картин, доктора философии Николая Егоровича (Георгиевича) Врангеля и Марии Дмитриевны Врангель (в девичестве Дементьевой-Майковой) (9).

Примечателен тот факт, что мать барона оставалась в Советской России на протяжении всей Гражданской войны и жила под своей фамилией, работая в одном из музеев Петрограда. Только в октябре 1920 г. она была нелегально переправлена в Финляндию.

Барон появился на свет 15 августа 1878 г. Его отец, несмотря на то что значительное число представителей крайне разветвленной фамилии Врангелей предпочитали военную службу, был директором страхового общества «Эквитебль». Он не предполагал для своего сына военной карьеры и настаивал его на гражданскую службу. Петр Николаевич вначале окончил Ростовское реальное училище (семья проживала по месту работы отца в г. Ростове-на-Дону), а потом поступил в Горный институт, который закончил в 1900 г. (в Санкт-Петербурге).

После окончания учебного заведения барону следовало пройти через военную службу – каждый российский подданный должен был отбыть воинскую повинность в течение двух лет. Так как барон имел высшее образование, он должен был служить всего один год.

Благодаря связям в свете (Петр Николаевич был женат на дочери камергера М.М. Иваненко Ольге Ивановне (10)) барон попадает вольноопределяющимся в л.-гв. Конный полк, где сдает в 1902 г. экзамен на офицерский чин при Николаевском Кавалерийском училище, на звание корнета запаса. Экзамен был сдан вполне успешно – по первому разряду (11). Барон «великолепно» зарекомендовал себя в л.-гв. Конном полку, но в него «не вышел», а до 1904 г. работал чиновником для особых поручений при Иркутском генерал-губернаторе. Когда началась война, барон попросился на фронт и стал сотником казачьего полка (12) 2-й Забайкальский казачьей дивизии.

Петр Николаевич воевал под командованием генерала Рейненкамппа, с которым он впоследствии вышел на Первую мировую войну.

Войну барон закончил в Отдельном дивизионе разведчиков подьесаулом и был переведен в 55-й Драгунский Финляндский полк. С февраля по август 1906 г. часть, в которой служил Петр Николаевич, оказалась прикомандирована к Северному отряду генерала Орлова, осуществлявшему карательные экспедиции по губерниям, охваченным крестьянскими волнениями.

Следует отметить тот факт, что в январе 1906 г. барону был присвоен чин штабс-ротмистра армии. Именно в этот момент у барона созревает окончательное желание продолжить службу в л.-гв. Конном полку. В личном деле барона читаем: «Штабс-ротмистр 55-го Драгунского Финляндского полка. Прикомандирован к л.-гв. Конному полку для испытания по службе и переводе впоследствии. Комп. 1904–1905 гг. Был в делах, ранен и контужен не был.

1904 г. Анна IV степени с надписью «за храбрость», чин сотника.

1905 г. чин подьесаула.

Станислава III степени с мечами и бантом.

1906 г. Анна III степени Высочайшим приказом 26.III.1907 переведен в л.-гв. Конный полк, с переименованием в поручики.

В Николаевской Академии Генерального Штаба с 16.X.1907 в постоянной командировке» (13).

После поступления в полк барон за свой высокий пост, статность и изысканные манеры был зачислен в лейб-эскадрон Его Величества, в котором оставался до 1911 г., когда поступил в Николаевскую Академию Генерального штаба, которую окончил по первому разряду в 1913 г. Но к штату Генерального штаба он причислен не был, а пожелал вернуться в Конную гвардию, где в августе 1912 г. был зачислен в 3 эскадрон, а к 1913 г. стал его командиром. Командир Конной гвардии полковник П.П. Скоропадский следующим образом характеризовал при проведении аттестации барона П.Н. Врангеля: «Ротмистр барон Врангель отличный эскадронный командир. Блестяще военно подготовлен. Энергичный. Лихой. Требовательный и очень добросовестный. Входит в личную жизнь эскадрона. Хороший товарищ. Хороший ездок. Немного излишне горяч. Обладает очень хорошими денежными средствами. Прекрасной нравственности. В полном смысле слова выдающийся эскадронный командир. Вполне подготовлен к занимаемой должности. Отличный.

Командир л.-гв. Конного полка Свиты Его Императорского Величества генерал-майор Скоропадский» (14).

Впрочем, не все было так «отлично». Корнет К.В. Ширков вспоминал своего командира как неуживчивого человека, не умеющего слушать тех, кто ниже его по чину, действительно заботящегося о своем эскадроне, но зачастую в ущерб общеполковому делу. В частности, он активно мешал корнету К.В. Ширкову сформировать телефонную команду, не желая выделять ему лошадей из своего эскадрона (15).

Другой случай демонстрирует, как барон был «излишне горяч» – в 1912 г. он с группой офицеров л.-гв. Конного полка, в частности штабс-ротмистром В.В. фон-Валем, въехали на конях в один из петербургских ресторанов – скорее всего в пьяном виде, хотя это в книге порицаний Конного полка не указано. За это оба офицера получили выговоры: П.Н. Врангелю – «объявлен выговор», В.В. фон-Валю – «поставлено на вид» (16). Несколько выходов своего отца в состоянии «взбешенности» описывает барон А.П. Врангель (17).

В определенной мере решая карьеристские установки, барон женился на дочери чиновника особых поручений при великом князе Сергее Александровиче Иваненко. Между супругами были великолепные отношения, и к 1913 г. у них было двое детей – дочь трех лет и сын – двух. О прочности отношений между супругами говорит тот факт, что когда в августе 1917 г. Петр Николаевич (генерал-майор) был арестован в Ялте, его жена отправилась под арест вместе с ним (по доброй воле) – почти как жены декабристов. На вопрос председателя трибунала матроса Вакулы: «Зачем же вы пришли сюда?», – она ответила: «Я счастливо прожила с ним жизнь и хочу разделить его участь до конца» (18).

Итак, к началу Первой мировой войны барон являлся командиром 3-го эскадрона и воспринимался как «отличный» офицер. В целом путь барона в гвардию был не типичен для «идеального конногвардейца» – идеалом в данном случае мог служить, например, барон К.К. Багге-аф-Боо, родственников которого мы встречаем еще в составе Кроншлотского драгунского полка князя Меншикова. Путь барона «максимально стандартен» и хорошо отражен в его личном деле: «Родился 1887 г. 7.X, вероисповедания лютеранского.

Получил образование общее и военное в Нахеском Его Императорского Величества корпусе, окончил курс по 1 разряду.

Поступил на службу ниж. чином 1906 г. сентября 1.

Корнет Конной Гвардии 15 июня 1908 г.

Холост.

Заведующий в полку оружием с 15.IV.1911 и офицерским собранием с 21.III.1911.

В эскадроне его Величества» (19).

Врангель вышел на войну вместе со своим Конным полком в составе конницы Хана Нахичеванского (первой дивизией командовал генерал-лейтенант Казнаков). Уже в первые месяцы войны ротмистр барон Врангель отличился в крайне неудачном для гвардейской кавалерии сражении под Каушеном (Восточная Пруссия, конница Хана Нахичеванского входила в состав 1-й армии под командованием уже известного Врангелю генерала Рейненкампа).

Как известно, в этом бою ротмистр продемонстрировал свои боевые навыки в соответствии с азами «дудергофской тактики», полученными на

учениях в Красном Селе. В. Трубецкой по этому поводу писал: «...один эскадрон Лейб-гвардии конного полка, входивший в состав нашей дивизии, атаковал в лоб (правда разомкнутым строем) германскую батарею на позиции! Потеряв от немецкой картечи добрую половину людей и лошадей, командир эскадрона с уцелевшими людьми все же доскакал до самых орудий, пару которых тут же захватили... В этой удивительной атаке... несомненно сказались влияние и школа Красного села. Кстати, командиром эскадрона конногвардейцев был ротмистр барон Врангель, который благодаря этой атаке на батарею приобрел в гвардии большую известность и популярность и быстро пошел в гору...» (20).

Генерал Н.А. Епанчин в своих воспоминаниях отмечал: «Уже 6 августа вечером шесть батальонов пехоты противника повели наступление на кавалерию Хана Нахичеванского, но их атака была отбита Л.-гв. Конным полком, который, понеся большие потери, захватил два орудия; за конную атаку на батарею противника полковник князь А.И. Эристов и ротмистр барон П.Н. Врангель стали первыми кавалерами ордена св. Георгия IV степени в этой войне» (21).

В указанном сражении барон проявил не только «гвардейскую храбрость», граничащую с безрассудством, но и удивительное хладнокровие. Впрочем, по воспоминаниям очевидцев, первым на батарею ворвался все-таки не он, а прапорщик Вольф – его лошадь понесла. Барон отчаянно кричал своему подчиненному – «на место». Вольф буквально «влетел» на батарею и, видимо, от безысходности стал отдавать команды на немецком языке, чем полностью смутил, а возможно, и дезорганизовал германских артиллеристов. Лошадь прапорщика Вольфа понесла, и он оказался впереди ком. эск. Напрасно ему кричал «на место». Говорят он первым врзался в прикрытие батареи и стал отдавать приказы по-немецки... А победе – мы обязаны Пиперу Врангелю, который своей геройской атакой повернул весы в нашу пользу...» (22). Прозвище Пипер (Пайпер) барон получил за особое пристрастие к марке шампанского «Piper Heidsieck».

За это сражение ротмистр П.Н. Врангель 13 октября 1914 г. был награжден орденом св. Георгия IV ст., а 6 декабря 1914 г. пожалован почетным званием флигель-адъютанта Его Императорского Величества и на десятом году службы (в декабре 1914 г.) был произведен в полковники (23).

На этом подвиги барона не закончились. 23 января 1915 г. Петр Николаевич атаковал с 3-м эскадрона полка колонну неприятельских обозов. За этот подвиг он был представлен георгиевской Думой к Георгиевскому оружию и был назначен командиром 1-го Нерчинского казачьего полка Уссурийской конной дивизии. Далее последовал очередной подвиг барона – в лесистых Карпатах его полк окружил и взял в плен в полном составе батальон германской пехоты с пулеметами. За это полк был представлен к Георгиевскому знамени, командир получил звание генерал-майора, а цесаревич

Алексей стал шефом полка. Барон получил тяжелое ранение и был отправлен на лечение в Петроград (24).

Затем он в составе своего полка был переброшен на Румынский фронт, где получил в командование сначала 1-ю бригаду Уссурийской дивизии, а затем всю дивизию, что было обусловлено тем, что генерал Крымов, начальник дивизии, был отозван в Петроград. Именно в Бессарабии барон узнал об отречении Николая II. Уссурийская казачья дивизия была включена в 3-й конный корпус генерала Крымова. Затем барон командовал 7-й кавалерийской и 3-й Кавказской казачьей дивизиями.

Следует отметить, что за успешную операцию на реке Збруч, осуществленную летом 1917 г., Врангель был награжден солдатским Георгиевским крестом IV степени. В «Послужном списке главнокомандующего Русской Армией генерал-лейтенанта барона Врангеля» (составлен 29 декабря 1921 г.) отмечалось: «Постановлением наградных Дум частей сводного конного корпуса, утвержденном командующим 8-й Армией, награжден солдатским Георгиевским крестом IV степени за отличия, высказанные им, как командиром сводного конного корпуса, прикрывавшего отход нашей пехоты к линии реки Збруч в период с 10 по 20 июля 1917 г. 1917 июля 24».

П.Н. Врангель примкнул к корниловскому мятежу, но его, как это ни странно, не тронули. После Октябрьской революции барон уехал в Крым, где 11 января 1918 г. был арестован. В очередной раз барону повезло, и вскоре он оказался в Киеве и примкнул к Белому Делу.

Период пребывания барона Врангеля в качестве главнокомандующего Вооруженными силами юга России, а затем главнокомандующего Русской армией в Крыму получил избыточное отражение в отечественной литературе еще советского периода. Постсоветские историки переосмыслили место Врангеля в событиях завершающего этапа Гражданской войны, сменили акценты и приоритетные векторы оценок, диаметрально переработали идеологическую составляющую. Таким образом мы не видим смысла подробно останавливаться на указанном отрезке биографии барона.

Гражданская война закончилась для Добровольческой Армии полным поражением. 16 ноября 1920 г. барон отплыл из Крыма в Константинополь. По существующей версии, группа офицеров, считавшая его предателем, не хотела выпускать его из Крыма и испортила котел на пароходе «Александр Михайлович», вынудив барона воспользоваться английским судном (25).

На первом этапе заграничной эпопеи барон считал себя преемником А.И. Деникина, но постепенно, по мере падения «реноме» последнего, уверился в том, что вполне сможет заменить А.И. Деникина. Необходимо отметить, что Советская власть целенаправленно игнорировала барона как лидера Белого движения. А. фон-Лампе отмечал: «Интересно, что большевики относятся с полным презрением к Врангелю. Доказывая, что он бесталантен,

неумен и т.п.» (26). Разорвав свою генетическую связь с Деникиным, барон стал ориентироваться на Великого кн. Николая Николаевича. В. фон-Лампе в 1922 г. писал: «Врангель примет любое расположение Великого князя Николай Николаевича как приказ» (27).

Для объединения всех антибольшевистских сил в мире (в первую очередь, в Европе) барон в 1924 г. создает в Париже Русский Общевоинский Союз – РОВС. Уже в этот момент наметился серьезный раскол между последователями великого князя Николая Николаевича (носителя гвардейской идеологии) и последователями двоюродного брата Николая II, Великого князя Кирилла Владимировича, который 31 августа 1924 г. принял титул императора Всероссийского Кирилла I. Последний ориентировался на немцев.

Кроме них была так называемая пассивная группа, в основном представленная пожилыми офицерами, входившими в Монархический Союз и многочисленные союзы взаимопомощи, и «украинская националистическая» группа, сплотившаяся вокруг бывшего гетмана Украины П.П. Скоропадского. Впрочем, украинские националисты почти сразу же раскололись на две группы. Более утонченная «пронемецкая», отличающаяся очевидной толерантностью к «великорусской идее», была представлена лидерами Украинской Державы во главе с гетманом Павлом Скоропадским. Вторая группа, «профранцузская», была представлена «оголтелыми самостийщиками», возглавляемыми Симоном Петлюрой.

Группа гвардейских офицеров попыталась создать отдельную гвардейскую лигу – Объединенный союз офицеров войск гвардии – в целях сплочения «лучших сил армии», с одной стороны, и реализации плана создания «единого фронта», способного противостоять конфронтации противоборствующих сторон, с другой. 6 апреля 1924 г. состоялось собрание гвардейских офицеров, которое ни к чему положительному не привело.

А. фон-Лампе (глава 2-го (Берлинского) отдела РОВС) по этому поводу отмечал: «В воскресенье 6-го апреля состоялось собрание офицеров гвардии, созванное по инициативе Генералов: Кауфмана-Туркестанского, П. Орлова и Князя Белосельского-Белозерского, в целях создания особого союза офицеров войск Гвардии. На самом собрании проект образования подобного союза встретил возражение со стороны полковника А. Скуратова, заявившего о недопустимости раскалывания офицерства на Гвардию и армию, и многих, преимущественно молодых офицеров, которые указывали, что главным образом в Югославии отчасти же во Франции и Бельгии существуют объединения офицеров различных частей войск гвардии. Ячейки, без ведома и согласия коих, они не считают возможным вступить в новый союз; сведения о существовании подобных ячеек явились для инициаторов союза полной неожиданностью. Под давлением выставленных возражений, они вынуждены были согласиться на отсрочку обсуждения вопроса на 4 недели

до получения мнений ячеек, запрошенных по сему поводу; лишь генерал Гулевич заявил, от имени находящейся в Париже ячейки, о согласии Преображенцев вступить немедленно в новый союз» (28). По прошествии четырех недель собрание так созвано и не было – данная попытка сплотить бывшее гвардейское офицерство для спасения России закончилась полным провалом. Гвардейцы старались оставаться в стороне от политических интриг и сплетен, распускаемых в либеральном лагере, старались не отвечать на выпады, считая, что они и только они являются истинными спасителями России. П.Н. Врангель в это время писал М.Н. Скалону, бывшему лейб-гусару, командиру л.-гв. 4-го Стрелкового полка: «...В полной мере разделяю твою оценку “общественности”. Кроме болтовни она вся без исключения ни на что неспособна» (29).

Между тем начинается ярко выраженная полоса «обожествления» лидеров Белого Дела и, в первую очередь, конечно, барона П.Н. Врангеля. И в правом, и в левом лагерях появляются откровенные панегирики бывшему Главкому. Интересно одно из таких описаний барона, окрещенного в нем «рыцарем Белого Движения»: «Генерал Врангель. Первое впечатление – фигура, второе – глаза. Он высок и строен, почти худощав. Талия словно создана для черкески. Такую талию можно встретить разве у Горцев Северного Кавказа, да у испанских матадоров... И вот характерно: генерал Врангель, при всей своей бытности может презмерно худощавой гибкости, в то же время монументален... Но это не застывшая монументальность, нет. Врангель – весь движение, весь порыв, увлекающий, фантазирующий, неотразимо и властно зовущий... Его стихия – фронт, конвой мчащийся за своим генералом, штабс-трубач на белой лошади, конные атаки, лавины бешено несущихся всадников с обнаженной сверкающей сталью и шелест развернутых знамен, колеблемых ветром... таков Врангель – настоящий, подлинный Врангель» (30).

Часть гвардейских офицеров попыталась создать «культ личности» барона, абстрагировать его фигуру от кого бы то ни было. В большей степени пытались рассорить П.Н. Врангеля с Великим князем Николаем Николаевичем – среди таких был и бывший конногвардеец генерал Трепов, и преображенец Кутепов, и ряд других офицеров.

Петр Николаевич последовательно стоял за консолидацию всех заграничных сил, не считаясь с титулами и званиями, через своих эмиссаров он пытался сблизиться и с адмиралом Хорти, и с генералом Людендорфом, и с Великим князем Кириллом Владимировичем, и, наконец, с гетманом П. Скоропадским. Но со всех сторон встречал пусть вежливое, но откровенно холодное отношение. Мнения о П.Н. Врангеле в результате его примиренческой деятельности диаметрально разделились – одни его называли «человеком чести», другие – «властолюбивым честолюбцем». Оба эти определения очень емко выразил в своем афоризме начальник 2-го отдела РОВСа А. фон-

Лампе: «Говорят, что генерал Врангель был честолюбив – это верно потому, что он больше всего любил честь» (31). Полковник Лампе отмечал, что Врангель в конечном итоге, в результате своей объединительной деятельности, оказался в полной изоляции и, более того, велась планомерная работа по разрушению того, что пытался создать П.Н. Врангель. В этой деструктивной деятельности не последнюю роль сыграли бывшие офицеры императорской гвардии. Фон-Лампе писал: «...Вообще против Петра Николаевича идет довольно сильная работа, в которой стараются: В.М.С., кириллисты, Деникин, Кутепов... вот, наконец, “общий фронт”, которого не могут создать против большевиков!» (32).

Полковник отмечал, что такие деятели военной эмиграции, как Н.Л. Оболенский, Лукомский, Кутепов, делают все возможное, чтобы посорить генерала Врангеля и Великого князя Николая Николаевича. Кутепов «давил» на Великого князя и настаивал на том, чтобы оставить П.Н. Врангелю только Европу, а Францию передать генералу Кутепову. Необходимо отметить, что за французский, 1-й отдел РОВСа, отвечал бывший семеновец, один из крупных специалистов Внешней разведки Царской России генерал-лейтенант Иван Алексеевич Хольмсен (был военным агентом в Афинах и Константинополе, в Первую мировую войну командовал 53-й пехотной дивизией, в 1915 г. попал в плен, был награжден орденом св. Георгия IV степени), который во время Гражданской войны был представителем адмирала Колчака в Париже. Именно его пытался «сместить» А. Кутепов.

К чести Великого князя, он не пошел на поводу у А. Кутепова и согласия своего не дал. Тем не менее за спиной Врангеля и Великого князя Европа была поделена на негласные сферы влияния, о чем свидетельствует следующий факт: «Печально говорит Ильин о Праге, где, по его словам, имя Врангеля невозможно произносить не рискуя своей популярностью, а Кутепова “обожают”»... (33).

Совсем по-другому сложилась ситуация после смерти барона. Он умер 25 апреля 1928 г. от очень быстро прогрессирующей болезни, которая сопровождалась резкими перепадами температуры с 39 до 36,2 °С и обратно. Лампе и Ильин выписали из Парижа «чудесное исцеляющую» докторшугомеопатку Зегер, но баронесса В. Врангель, не разобравшись в ситуации, не допустила ее к больному – все складывалось не в пользу барона. Ему много раз везло, но на этот раз судьба отвернулась от него.

В день смерти А. фон-Лампе написал: «Умер Врангель... большой период в белом движении отошел и возникает вопрос не кончилось ли оно! Силою вещей оно заключалось в личности одного человека и его судьба отняла, подарив совершенно задаром большевикам, чрезвычайно приятный подарок...» (34). Позднее выяснилось, что «не совсем задаром» – до сих пор существует версия, возникшая спустя несколько месяцев после смерти барона, что он стал одной из первых жертв биологического оружия, а прощ –

был инфицирован агентами ГПУ. Впрочем, идеализация фигуры барона продолжалась и после его смерти – так появился миф о «черном бароне», трагическом рыцаре Белого Дела, последнем романтике «уходящей России». Образ барона-мифа красочно изобразил ротмистр А. Комаровский: «Долго ломали гордую волю рыцаря-вождя. При жизни своей, короткой и яркой боевой жизни, он всей душой отдавался армии и был ей так близок, как ни один из военначальников нашего времени...

А генерал Врангель учил нас иначе: во-первых, конечно русские, но если «они» красные, то мы – безусловно, белые... Врангель первый дал нашей армии наименование русской... К сожалению, наш Главнокомандующий при жизни своей был всегда одинок. Но и одинокий, он всегда боролся за наше общее национальное достоинство» (35).

Таким образом, пополнилась череда русской военной мифологии, конец XIX в., безусловно, был связан с мифом о «белом генерале» (Скобелев). Второе и начало третьего десятилетий XX в. пополнились двумя колоссальными по своей силе мифами – мифами «о черном» (Врангель) и о «желтом» (Р.Н. Унгерн-Штернберг) баронах.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) В данном случае с методологической точки зрения значительный интерес представляет диссертация С.В. Маслова «Военная элита: политологический характер формирования» (См. автореф. дисс. ... к.филос.н. – М., 1995) и монография Е.Ю. Сергеева «Иная земля, иное небо...». Запад и военная элита России, 1900–1914 гг.» (М., 2001).
- (2) Волков С.В. Русский офицерский корпус. – М., 1993. – С. 318.
- (3) Матрикулы привилегированного остзейского дворянства были составлены в середине XVIII в. В них были внесены: в Лифляндии – 172, в Эстляндии – 127 и на острове Эзель – 25 дворянских фамилий.
- (4) Genealogisches Handbuch der baltischen Ritterschaften. – Görlitz, 1930. – Т. 2. 1.2: Estland – S. 534–602.
- (5) Любимов С.В. Титулованные роды Российской империи: Опыт подробного перечисления всех титулованных российских дворянских фамилий, с указанием происхождения каждой фамилии, а также временем получения титула и утверждения в нем. – СПб, 1910. – Т. 1. – С. 208.
- (6) Врангели // Большая русская биографическая энциклопедия. – 2007. – Версия 3.0.
- (7) Врангель А.П. Генерал Врангель: доверие воспоминаний // Бароны Врангели. Воспоминания. – М., 2006. – С. 306.
- (8) Genealogisches Handbuch der baltischen Ritterschaften. – Görlitz: 1930. Т. 2, 1.2: Estland – S. 574. Петр Николаевич является 4 представителем XX колена.
- (9) Ibid. – S. 580.
- (10) От брака с Ольгой Ивановной Иваненко барон имел четырех детей: 2-х дочерей – Елену Петровну, в замужестве баронессу фон Мейендорф; Наталью Петровну, в замужестве Базилевскую и 2-х сыновей – Петра Петровича и Алексея Петровича (последний родился в 1922 г.).

- (11) Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). – Ф. 3543. – Оп. 2. – Д. 313. – Л. 1.
- (12) 2-й Драгунский Казачий полк.
- (13) РГВИА. – Ф. 3543. – Оп. 2. – Д. 313. – Л. 1.
- (14) Там же. – Д. 1913. – Л. 1.
- (15) *Белосельский-Белозерский С.* История лб.-гв. Конного полка. – Париж, 1964. – Т. 3. – С. 28.
- (16) РГВИА. – Ф. 3543. – Оп. I. – Д. 3245, соответственно раздел (нумерация страниц ведется по буквам алфавита – соответственно на «В»).
- (17) *Врангель А.П.* Генерал Врангель... – С. 336.
- (18) *Врангель П.Н.* Воспоминания. – Ч. 1. – М., 1992. – С. 90.
- (19) РГВИА. – Ф. 3543. – Оп. 2. – Д. 72. – Л. 1.
- (20) *Трубецкой В. князь* Записки кирасира. – М., 1993. – С. 143.
- (21) *Епанчин Н.А.* На службе трех императоров. – М., 1996. – С. 27.
- (22) 50-летняя годовщина Каушенского боя // *Вестник конногвардейского объединения.* – Париж, 1964. – С. 9–10.
- (23) Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 5794. – Оп. 1. – Д. 20. – М/ф 3. – Л. 195.
- (24) Там же. – Ф. 5853. – Оп. 1. – Д. 20. – М/ф. 3. – Л. 196.
- (25) Там же. – Д. 2. – Л. 411.
- (26) Там же. – Д. 9. – Л. 77.
- (27) Там же. – Д. 8. – Л. 122.
- (28) Там же. – Д. 15. – М/ф. 4. – Л. 332.
- (29) Там же. – Ф. 5794. – Оп. 1. – Д. 23. – Л. 1.
- (30) Там же. – Ф. 5853. – Оп. 1. – Д. 30. – М/ф. 4. – Л. 280.
- (31) *Лампе А.А. фон* Путь верных. – Париж, 1964. – С. 251.
- (32) ГАРФ. – Ф. 5853. – Оп. 1. – Д. 30. – Л. 32.
- (33) Там же. – Л. 8.
- (34) Там же. – Д. 34. – М/ф. 1. – Л. 22.
- (35) Там же. – Д. 48. – М/ф. 3. – Л. 143.

**BARON PETER NIKOLAEVICH WRANGELL
AS THE REPRESENTATIVE OF THE RUSSIAN MILITARY ELITE
OF THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY**

G.S. Chuvardin

Faculty of History of Russia
Oryol State University

Str. Komsomolskaya, 95, Oryol, Russia, 302026

This article reveals the phenomenon of the Russian military elite of the beginning of the 20th century. It is considered within the limits of one of its most essential segments – offi-

cers-representatives of «eastzeisk nobility». The author investigates the given historical and cultural phenomenon on an example of one of the typical Baltic barons – major general P.N. Wrangell. The conclusion is that a vital and fighting way of the general is kept within his cultural stereotypes, characteristic for a greater part of analyzed group.

Key words: military elite, generals, horse guards, I World War, military emigration, P.N. Wrangell.

СТАТЬЯ ОТОЗВАНА
RETRACTED